

Б.М. Кустодиев

▲ ПОРТРЕТ

МАРФЫ И МАРИНЫ
ШАЛЯПИНЫХ. 1920

Б.М. Кустодиев

ЕЛОЧНЫЙ ТОРГ. 1918

▼ Кукла-зернушка

замерзает... — розовый ледок на солонине. Мясник, бывало, рубит топором свинину, кусок отскочит, хоть с полфунта, — наплевать! Нищий подберет. Эту свиную «крошку» охалками бросали нищим: на, разговейся! Перед свиной — порсячий ряд, на версту. А там — гусиный, куриный, утка, глухари-тетерки, рябчик... Прямо из саней торговля. И без весов, поштучно больше. Широка Россия, — без весов, на глаз. Бывало, фабричные впрягутся в розвальни — большие сани, — везут-смеются. Горой навалят: поросят, свинины, солонины, баранины... Богато жили.

Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, — лес елок! А какие елки! Этого добра в России сколько хочешь. Не так, как здесь, — тычинки. У нашей елки... как отогреется, расправит лапы, — чаща. На Театральной площади, бывало, — лес. Стоят, в сне-

гу. А снег повалит, — потерял дорогу! Мужики в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Собаки в елках — будто волки, право. Костры горят, погреться. Дым столбами. Сбитенщики ходят, аукуются в елках: «Эй, сладкий сбитень! Калачики горячи!» В самоварах, на долгих дужках, — сбитень. Сбитень? А такой горячий, лучше чая. С медом, с имбирем, — душисто, сладко.

Стакан — копейка. Калачик мерзлый, стаканчик сбитню толстенький такой, граненый, — пальцы жжет. На снежку, в лесу... приятно! Потягиваешь понемножку, а пар — клубами, как из паровоза. Калачик — льдышка. Ну, помакаешь, помягчает. До ночи прогуляешь в елках. А мороз крепчает. Небо — в дыму — лиловое, в огне. На елках иней. Мерзлая ворона попадается, наступишь — хрустнет, как стекляшка. Морозная Россия, а... тепло!..

В Сочельник, под Рождество, — бывало, до звезды не ели. Кутью варили из пшеницы, с медом; взвар — из чернослива, груши, шепталы... Ставили под образа, на сено. Почему?.. А будто — дар Христу. Ну... будто, Он на сене, в яслях. Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. На стеклах лед, с мороза. Вот, брат, красота-то!.. Елочка на них, разводы, как кружевное. Ноготком протрешь — звезды не видно? Видно! Первая звезда, а вон — другая... Стекла засинелись. Стреляет от мороза печка, скачут тени. А звезд все больше. А какие звезды!.. Форточку откроешь — резанет, ожжет морозом. А звезды!.. На черном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие звезды!.. Усагие, живые, бьются, колют глаз. В воздухе-то мерзлость, через нее-то звезды больше, разными огнями блещут, — голубой хрусталь, и синий, и зеленый, — в стрелках. И звон услышишь. И будто это звезды — звон-то! Морозный, гулкий, — прямо серебро. Такого не услышишь, нет. В Кремле ударят, — древний звон, степенный, с глухотой. А то — тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... — гул и гул.

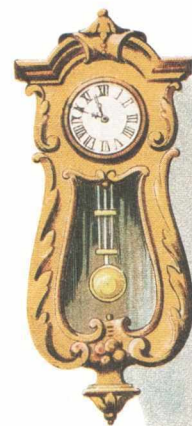
Ко всеошной. Валенки наденешь, тулупчик из барана, шапку, башлычок, — мороз и не щипнет. Выйдешь — певучий звон. И звезды. Калитку тронешь, — так и осыплет треском. Мороз! Снег синий, крепкий, попискивает тонко-тонко. По улице — сугробы, горы. В окошках розовые огоньки лампадок. А воздух... — синий, серебрится пылью, дымный, звездный. Сады дымятся. Березы — белые виденья. Спят в них галки. Огненные думы столбами, высоко, до звезд. Звездный звон, певучий, — плывет, не молкнет; сонный, звон-чудо, звон-виденье, славит Бога в вышних, — Рождество.

Идешь и думаешь: сейчас услышу ласковый напев-молитву, простой, особенный какой-то, детский, теплый... — и почему-то видится кроватка, звезды.

*Рождество Твое, Христе Боже наш,
Возсия миру свет разуму...*

И почему-то кажется, что давний-давний тот напев священный... был всегда. И будет.

На уголке лавчонка, без дверей. Торгует старичок в тулупе, жметя. За мерзлым стеклышком — знакомый ангел с золотым цветочком, мерзнет. Осыпан блеском. Я его держал недавно, трогал

П.П. Попов
 ◀ РОЖДЕСТВО
 ХРИСТОВО. 2001

И.С. Глазунов

▲ ЕЛКА НОВОГОДНЕЙ НОЧЬЮ. 1989

В.Е. Маковский

▼ ДЕТИ. 1897–1898

пальцем. Бумажный ангел. Ну, карточка... осыпан блеском, снежком как будто. Бедный, мерзнет. Никто его не покупает: дорогой. Прижался к стеклышку и мерзнет.

Идешь из церкви. Все — другое. Снег — святой. И звезды — святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она: над Барминихиным двором, над садом! Каждый год — над этим садом, низко. Она голубоватая, святая. Бывало, думал: «Если к ней идти — придешь туда. Вот прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству! Он — в яслях, в маленькой кормушке, как в конюшне... Только не дойдешь, мороз, замерзнешь!» Смотришь, смотришь — и думаешь: «Волсви же со звездой путешествоуют!..»

Волсви?.. Значит, мудрецы, волхвы. А маленький я думал — волки. Тебе смешно? Да, добрые такие волки, думал. Звезда ведет их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже и волки рады. Правда, хорошо ведь? Хвосты у них опущены. Идут,

поглядывают на звезду. А та ведет их. Вот и привела. Ты видишь, Ивушка? А ты зажмурься... Видишь — кормушка с сеном, светлый-светлый мальчик, ручкой манит?... Да, и волков... всех манит. Как я хотел увидеть!.. Овцы там, коровы, голуби взлетают по стропилам... и пастухи... склонились... и цари, волхвы... И вот подходят волки. Их у нас в России много!.. Смотрят, а войти боятся. Почему боятся? А стыдно им... злые такие были. Ты спрашиваешь — впустят? Ну, конечно, впустят. Скажут: ну и вы входите, нынче Рождество! И звезды... все звезды там, у входа, толпятся, светят... Кто, волки? Ну, конечно, рады.

Бывало, лежу и думаю: прощай, до будущего Рождества! Ресницы смерзлись, а от звезды все стрелки, стрелки...

Зайдешь к Бушую. Это у нас была собака, лохматая, большая, в конуре жила. Сено там у нее,

тепло ей. Хочется сказать Бушую, что Рождество, что даже волки добрые теперь и ходят со звездой... Крикнешь в конуру: «Бушуйка!» Цепью загремит, проснется, фыркнет, посунет мордой, добрый, мягкий. Полижет руку, будто скажет: да, Рождество. И — на душе тепло, от счастья.

Мечтаешь: Святки, елка, в театр поедем... народу сколько завтра будет! Плотник Семен кирпичиков мне принесет, и чурбачков, чудесно они пахнут елкой!.. Придет моя кормилка Настя, сунет апельсинчик, и будет целовать и плакать, скажет: «Выкормочек мой... растешь...» Подбитый барин придет еще, такой смешной. Ему дадут стаканчик водки. Будет махать бумажкой, так смешно. С длинными усами, в красном картузе, а под глазами «фонари». И будет говорить стихи. Я помню:

*И пусть ничто-с за этот Праздник
Не омрачает торжества!
Поднес почтительно-с проказник
В сей день Христова Рождества!*

В кухне на полу рогожи, пылает печь. Теплится лампадка. На лавке в окоренке оттаивает поросенок, весь в морщинках, индюшка серебрится от морозца. И непременно загляну за печку, где плита: стоит?.. Только под Рождество бывает. Огромная, во всю плиту, — свинья! Ноги у ней подрублены, стоит на четырех култышках, рылом в кухню. Только сейчас втащили, — блестит морозцем, уши не обвисли. Мне радостно и жутко: в глазах намерзло, сквозь беловатые ресницы смотрит... Кучер говорил: «Велено их есть на Рождество, за наказание! Не давала спать младенцу, все хрюкала. Потому и называется — свинья! Он ее хотел погладить, а она, свинья, щетинкой Ему ручку уколола!» Смотрю я долго. В черном рыле — оскаленные зубки, «пятак», как плошка. А вдруг соскочет и загрызет?.. Как-то она загромыхала ночью, напугала.

И в доме — Рождество. Пахнет натертыми полами, мастикой, елкой. Лампы не горят, а все лампадки. Печки трещат-пылают. Тихий свет, святой. Окна совсем замерзли. Отблескивают огоньки лампадок — тихий свет, святой. В холодном зале таинственно темнеет елка, еще пустая, — другая, чем на рынке. За ней чуть брезжит алый огонек лампадки, — звездочки, в лесу как будто... А завтра!..

Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.

От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.

Ветер спит, и все немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

Афанасий Фет
1858 (?)

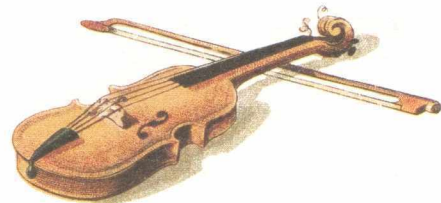
П.А. Радимов
▲ ЕЛКА. 1924

Е.Т. Петрова
▼ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО. 2006

Ф. Тонисэ
▶ РОЖДЕСТВО

Б.В. Зворыкин
▲ С ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
И НАСТУПАЮЩИМ НОВЫМ ГОДОМ!
Открытка. Конец XIX — начало XX века

Святки

Иван Шмелев. Отрывки из книги «Лето Господне»

Птицы Божьи

Рожество... Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и снежность. Самое слово это видится мне голубоватым. Даже в церковной песне:

Христос рождается — славите!

Христос с небес — срящите! —

слышится хруст морозный.

Синеватый рассвет белеет. Снежное кружево деревьев легко, как воздух. Плавает гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. Выплывает огнем за садом. Сад — в глубоком снегу, светлеет, голубеет. Вот побежало по верхушкам; иней зарозовел; розово зачернелись галочки, проснулись; брызнуло розоватой пылью, березы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на белый снег. Вот оно, утро Праздника, — Рождество.

В детстве таким явилось — и осталось.

Они являлись на Рождество. Может быть, приходили на Пасху, но на Пасху — неудивительно. А на Рождество, такие трескучие морозы... а они являлись в каких-то матерчатых ботинках, в летних пальтишках без пуговиц и в кофтах, и не могли говорить от холода, а прыгали все у печки и дули в сизые кулаки, — это осталось в памяти.

— А где они живут? — спрашиваю я няню.

— За окнами.

За окнами... За окнами — чернота и снег.

— А почему у кормилицы сын мошенник?

— Потому. Мороз вон в окошко смотрит.

Черные окна в елочках, там мороз. И все они там за окнами.

— А завтра они придут?

— Придут. Всегда приходят об Рождестве. Спи. А вот и завтра. Оно пришло, после ночной метели, в морозе, в солнце. У меня защипало пальцы в пуховых варежках и заломило ноги в заячьих сапожках, пока шел от обедни к дому, а они уже подбираются: скрип-скрип-скрип. Вон уж кто-то шмыгнул в ворота, не Пискун ли?

Приходят «со всех концов». Приходят с черного хода, крадучись. Я украдкой сбегаю в кухню. Широкая печь пылает. Какие запахи! Пахнет мясными пирогами, жирными щами со свиной, гусем и поросенком с кашей... — после поста так сладко. Это густые запахи Рождества, домашние. Священные — в церкви были. В льдинках искристых окон плющится колко солнце. И все-то праздничное, на кухне даже: на полу новые рогожи, добела выскоблены лавки, блещет сосновый стол, выбелен потолок и стены, у двери вороха соломы — не дуло чтобы. Жарко, светло и сытно. <...>

Обед «для разных»

По стене длинной комнаты, очень светлой от солнца и снега на дворе, сидят чинно на сундуках «разные» и дожидаются угощения. Вот Пискун. У него такой тонкий голос, что мне все кажется, — вот-вот перервется он. На Пискуне бархатная кофта, с разными рукавами, и плюсовые сапожки с мехом. Уши повязаны платочком: они отморожены, и вместо них — «только дырки». Должно быть, он и голос отморозил. Рыжая бородка суется из платочка, словно она сломалась. Когда-то он пел в Большом театре, где мы недавно смотрели «Роберт и Бертрам, или Два двора», но сорвал голос, и теперь только по трактирам — «уж как веет ветерок, из трактира в погребок». Все его жалеют и говорят: «Пискун ты, Пискун, пропащая твоя головушка!» Глаза у Пискуна всегда плачут, руки ходят, будто нащупывают, и за обедом ему наводят вилку на кусочек.

Б.М. Кустодиев
МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ. 1913

Под образом с голубенькой лампадкой сидит знаменитый человек Махоров, выставив ногу-деревяшку, похожую на толстую бутылку или кеглю. На нем зеленоватый мундир с золотыми галунами, и по всей груди золотые и серебряные крестики и медали. Высоким седым хохлом он мне напоминает нашего царя-освободителя. Он недавно был на войне добровольцем и принес нам саблю, фески и туфельки, которые пахнут туркой. Сидит он строгий и все покручивает усы. На щеке у него беловатый шрам — «поцеловала пулька под Севастополем». Все его очень уважают, и я тоже, словно икона он. Отец говорит, что у него на груди «иконостас, только бы свечки ставить». С ним Полугариха, банщица, знаменитая: ходила пешком в старый Ерусалим. Она очень уж некрасивая, в бородавках, и пахнет от нее пробками; и еще кривая: «выхлестнули за веру турки». «Вот когда страху-то навидалась! — рассказывает она. — Мы-то плачем, у Гроба-то Господня, а они с мечами... да с би-чами... — хлеть-хлеть! И выстегнули. И батюшка-патриарх с нами,

в голос кричит, а они — хлеть-хлеть! Ждут, демоны, — не сойдет огонь с неба, всем нам голову долой! Как пал огонь с небес, так все лампадки-свечечки и загорелись. Как мы вскричим: “Правильная наша вера!” — а они так зубами и заскрипели. А ничего не могут, такой закон».

Рядом с ней простоволосая Пашенька-преблагенная, вся в черном, худенькая и юркая. Была богатая, да сгорели у ней малютки-детки, и стала она блаженненькой. Сидит и шепчет. А то и вскрикнет: «Соли посолоней, в гробу будешь веселей!» Так все и испугаются. У нас боятся, как бы она чего не на сказала. Сказала на именинах у Кашиных, на Александра Невского, 23 ноября: «Долги ночи — коротки дни», а Вася ихний и помер через неделю в Крыму, чахоткой! Очень высокого роста был, — «долгий». Вот и вышли «коротки дни».

Еще — курчавый и желтозубый, Цыган, в поддевке и с длинной серебряной цепочкой с полтинничками и с бубенцами. Пашенька дует на него и все говорит: «Цыц!» Он показывает ей серебряный

крест на шею и все кланяется, — боится и он, должно быть. Трифонович, скорняк Василь Василич, который говорит так, словно читает книжку. Потом, во весь сундук, певчий Ломшаков. Он тяжело сопит и дремлет, лицо у него огромное и желтое — от водянки. Еще разные. Но после солдата интересней всего — Подбитый Барин. Он стоит у окна, глядит на сугробы и все насвистывает. Кажется, будто он один в комнате. А то поглядит на нас и сделает так губами, словно у него болит зуб. Горкин сегодня — как будто гость: на нем серенький пиджачок отца, брюки на выпуск, а на шее голубенький платочек. А то всегда в поддевке.

Входит отец, нарядный, пахнет от него духами. На пальце бриллиантовое кольцо. Совсем молодой, веселый. Все поднимаются.

— С праздником Рождества Христова, милые гости, — говорит он приветливо, — прошу откусать, будьте как дома.

Все гудят: «С праздничком! Дай вам Господь здоровья!»

Отец подходит к лежанке, на которой стоят закуски, и наливает рюмку икемчика. Василь Василич наливает из графинов. Барин быстро трет руки, словно трещит лучинкой, вертит меня за плечи и спрашивает, сколько мне лет.

— Ну, а семью семь? Врешь, не тридцать семь, а... сорок семь! Гм...

Отец чокается со всеми, отпивает и извиняется, что едет на обед к городскому голове, а за себя оставляет Горкина и Василь Василича. Барин выхватывает откуда-то из-под воротничка конвертик и просит принять «торжественный стих на Рождество»:

*С Рождеством вас поздравляю
И счастливым быть желаю,
Не придумаю, не знаю, —
Чем вас подарить?..
Нет подарка дорогого,
Нет алмаза золотого,
Подарю я вам... два слова!
Ни-когда! Ни-всегда!*

— Тут шарада и каламбур! — вскрикивает он радостно. — Печаль — ни-когда, а радость — навсегда!

Всем очень нравится, — как он ловко! Отец благодарит, жмет руку барину и уходит. Василь Василич сдерживает:

— Господин Энтальцев, не спеши... еще велик день!

Энтальцев, с селедкой в усах, подкидывает меня под потолок и шепчет мокрыми усами в ухо:

— Мальчик милый, будь счастливым... за твое здоровье, а там хоть... в стойло коровье!

Дает мне попробовать из рюмки, и все смеются, как я начинаю кашлять и морщиться.

Его сажают рядом с солдатом и Полугарихой, на почетном месте. Горкин садится возле Пискуна и водит его рукой. Едят горячую солонину с огурцами, свинину со сметанным хреном, лапшу с гусиными потрохами и рассольник, жареного гуся с мочеными яблоками, поросенка с кашей, драчену на черных сковородах и блинчики с клюквенным вареньем. Все наелись, только певчий грызет поросячью голову и просит, нет ли еще пирогов с капустой. Ему дают, и Василь Василич просит: «Сеня, прогреми “дому сему”, утешь!» Певчий проглатывает пирог, сопит тяжело и велит открыть форточку, — «а то не вместит». И так гремит и рычит, что делается страшно. Потом валится на сундук, и ему мочат голову. Все согласны, что если бы не болезнь, перешиб бы и самого Примагентова! Барин целует его в «сахарные уста» и обнимает. Двое молодцов вносят громадный самовар и ставят на лежанку. Пискун неожиданно выходит на середину комнаты и раскланивается, прижи-

И.А. Малютин
ВОЛЖАНИН. Этюд. 1932

И.И. Творожников
У ЦЕРКВИ. 1889

мая руку к груди. Закидывает безухую голову свою и поет в потолок так тонко-нежно: «Близко города Славянска... наверху крутой горы...» Все в восторге, и удивляются: «Откуда и голос взялся! Водочка-то что делает!...» Потом они с бариним поют удивительную песню:

*Вот барка с хлебом пребольшая,
Кули и голуби на ней,
И рыба-ков... бо...льшая ста-ая...
Уныло удит пещарей.*

Горкин поднимает руки и кричит:
— Самое наше, волжское!

И Цыган пустился: стал гейкать и так высвистывать, что Пашенька убежала, крестя нас всех. Тут уж и гармонист проснулся. Это красивый паренек в малиновой рубашке, с позументом. Горкин мне шепчет: «Помрет скоро, последний градус в чашотке... слушай, как играет!» Все затихают. И уж играл Петька-гармонист! Играл «Лучинушку»... Я вижу, как и сам он плачет, и Горкин плачет, тербя меня, и все уговаривая: «Ты слушай, слушай... ро-стовское наше!...» И барин плачет, и Пискун, и солдат. Скорняк, когда кончилось, говорит, что нет ни у кого такой песни, у нас только. Он берет меня на колени, гладит по голове

и старается выучить, как петь: «Лу-учи-и-и-нушка...», — и я вижу, как из его голубоватых старческих уже глаз выкатывают круглые, светлые слезинки. И солдат меня гладит, притягивает к себе, и его кресты натирают мне щеку. Мне так хорошо с ними, необыкновенно. Но почему они плачут, о чем плачут? Хочется и мне плакать. Праздник, а они плачут! Потом и барин начинает махать рукой и затягивает «Вниз по матушке по Волге». Поют хором все, и Василь Василыч, и Горкин. А окна уже синеют, и виден месяц. Кормилка Настя приходит после обеда, изморзшая, и Горкин дает ей всего на одной тарелке. Она целует меня, прижимает к холодной груди, и тоже почему-то плачет. Оттого, что у ней сын мошенник? Она сует мне мерзлый апельсинчик, шоколадку в бумажке — высокая на ней башенка с орлом. И все вздыхает:
— Выкормышек мой, растешь...

От ее слов у меня перехватывает дыханье, и по привычке я прячу голову в ее колени, в холодную ее кофту, в стеклярус.

Зимний вечер

Хорошо вам, детки, —
Зимним вечерком
В комнатке уютной
Сели вы рядком,

Пламя от камина
Освещает вас...
Слушаете жадно
Мамы вы рассказ;

Радость, любопытство
На лице у всех;
Часто прерывает
Маму звонкий смех.

Вот рассказ окончен,
Все пустились в зал...
«Поиграй нам, мама», —
Кто-то пропищал.

«Хоть уж девять било,
Отказать вам жаль...» —
И послушно села
Мама за рояль.

И пошло веселье,
Началась возня,
Пляска, песни, хохот,
Визг и беготня!

Пусть гудит сердито
Вьюга под окном,
Хорошо вам, детки,
В гнездышке своем!

С.Ю. Жуковский
▲ ИНТЕРЬЕР

В.Г. Перов
▲ ДЕТИ-СИРОТЫ
НА КЛАДБИЩЕ. 1864

З.Е. Серебрякова
ДЕВОЧКИ У РОЯЛЯ

Но не всем такое
Счастье Бог дает;
Есть на свете много
Бедных и сирот.

У одних могила
Рано мать взяла;
У других нет в зиму
Теплого угла.

Если приведется
Встретить вам таких,
Вы как братьев, детки,
Приголубьте их.

Алексей Плещеев
1872

Коляда и Святки

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

В русском колядовании участвуют ныне одни только дети. Древняя Коляда и все старинные обряды совершенно исчезли: нет ни воспоминаний, ни рассказов. Дети ходят под окнами величать богатых хозяев с Колядою и виноградем. За колядование награждают их деньгами и съестными припасами. Виноградем напоминает нам о каком-то старом обряде славян южных стран.

В селениях Шенкурского и Вельского округов сохранился старый обычай готовить к этому дню из пшеничного теста животных: коров, быков, овец и домашних птиц. Животные выставлялись на окна для показа проходящим, на столе они с утра красовались для семейства и уже вечером рассылались в подарок родным. Для вечерней трапезы готовится доселе

Г.Н. Горелов
РЯЖЕННЫЕ В ДЕРЕВНЕ

▶ Прялка. Северная
Двина. XIX век

▶ Сундучок
XVII век

из круп каша, а из пшена и ячменя кутья сочельническая. <...>

В старину в замосковных селениях в санях возили Коляду — девицу, одетую, сверх платья, в белую рубашку. Колядовщики пели песню: «Уродилась Коляда накануне Рождества». В других местах пели: «Шла Коляда из Новагорода». В Муромском уезде прибавляли: «Коляда Таусень».

*К нам наехали святые вечера,
На конях, на соболях,
На лисицах, горностаях!
Уж вы кумушки, подруженьки мои,
Вы придите, посидите у меня,
Пособите думу думати,
Пособите мне отгадывати,
Отгадаете — не сказывайте.*

*Коляда, Коляда!
Пришла Коляда
Накануне Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всем по дворам, по проулочкам.
Нашли Коляду
У Петрова-то двора;
Петров-то двор — железный тын.
Среди двора три терема стоят:
В первом терему светел месяц,
В другом терему красно солнце,
В третьем терему часты звезды.
Светел месяц Петр сударь,
Свет Иванович,
Красно солнце Анна Кирилловна,
Частые звезды — то дети их.
Здравствуй, хозяин с хозяйшкой,
На долгие веки, на многие лета!*

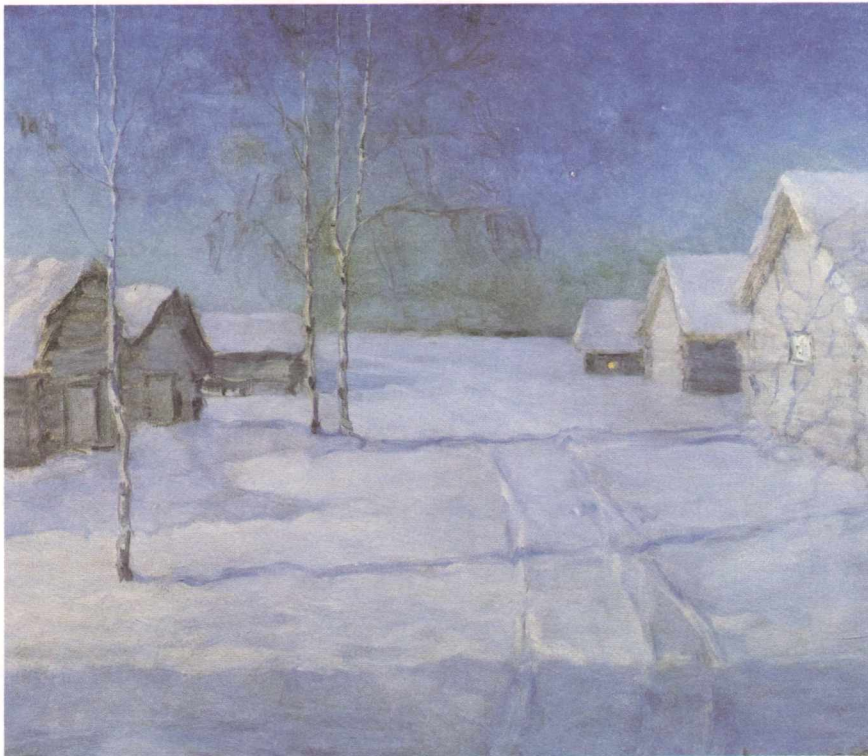
СВЯТКИ

С вечера 25 декабря <7 января по н. с.> начинаются на Руси Святки, веселое время для всех возрастов. Утро дети проводят в славлении и виршевании.

Славление на Руси заключается в хождении с вертепом, звездой, рацеями и виршами. Вертеп в Сибири прежде устраивался в виде ящика с двух ярусах. Здесь помещались деревянные фигуры. В верхнем ярусе изображалась смерть Ирода, а в нижнем Иродиадины пляски. В вертепе горели

свечи. Славильщики ходили с ними по домам. За пение награждали деньгами и пирогами. Для сбора пирогов один носил кузов, а для денег другой хаживал с тарелкой. На рассвете к ним присоединялись гудочники и участвовали в дележе.

Хождение со звездой есть общее во всей Руси. Звезда делается из бумаги величиною в аршин, раскрашивается красками и освещается свечами. Мальчики, ходя по улицам, для важности вертят звезду во все стороны. За свое пение славильщики получают разные подарки.

*Перекресток, где ракитка
И стоит и спит...
Тихо ветхая калитка
За плетнем скрыпит.*

*Кто-то крадется сторонкой,
Санки пробегут —
И вопрос раздастся звонкой:
«Как тебя зовут?»*

Афанасий Фет
1842

В.К. Бялыницкий-Бируля
ЛУННАЯ НОЧЬ
В ДЕРЕВНЕ. 1934

Н.К. Пимоненко
▶ КОЛЯДКИ

▶ Архангельские козули

*Под покровом ночи звездной
Дремлет русское село;
Всю дорогу, все тропинки
Белым снегом замело...*

*Кое-где огни по окнам,
Словно звездочки, горят.
На огонь бежит сугробом
Со звездой толпа ребят.*

*Под оконцами стучатся,
«Рождество Твое» поют.
«Христославы! Христославы!» —
Раздается там и тут.*

*И в нестройном детском хоре
Так таинственна, чиста,
Так отрадна весть святая
О рождении Христа...*

Аполлон Коринфский

О козулях

Издавна завелось к Рождеству печь козули. <...>

Самые древние козули — холмогорские и мезенские — из черного теста, иногда расщеченные белым тестом. Холмогорские козули по виду напоминают оленя. <...>

В Мезенском уезде, кроме маленьких, подобных холмогорским, еще пекут плоские козули: раскатывают тесто длинной лентой толщиной в половину карандаша и свертывают ее разными рисунками, порой неожиданно похожими на священный лотос в волнистом окружении, напоминающем сияние. Бывают также птички на гнезде и другие. <...>

В Архангельске козули пекутся из пряничного теста, режутся железными формами (пряничные силуэты) и украшаются (разделяются) сахарной глазурью, белой и цветной (чаще розовой), обильно облепляются «золотом» и «посыпью». Формы, сделанные из железа, иногда довольно толстого, сохраняются долго, переходя из рода в род. <...> Печь козули начинают с октября. <...> Перед Рождеством козули заполняют рынок.

Рисунки наиболее давних форм — звезда, ангел, пастух, корзина (с дарами), птицы, близкие к человеку животные, елка, виноград, вазы с цветами, олень с санями, лев (лев как царь зверей, а может быть, тут сказалось влияние английское или норвежское). Более поздние козули — амазонка, извозчик, собака с будкой, кошка.

Степан Писахов

Рождество

Иван Шмелев. Отрывок из книги «Лето Господне»

Топотом шумят в передней. Мальчишки, славить... Все мои друзья: сапожниковы, скорнячата. Впереди Зола, тощий, кривой сапожник, очень злой, выщипывает за вихры мальчишек. Но сегодня добрый. Всегда он водит «славить». Мишка Драп несет Звезду на палке — картонный домик: светятся окошки из бумажек, пунцовые и золотые, — свечи там. Мальчишки шмыгают носами, пахнут снегом.

— Волхи же со Звездой питушествуют! — весело говорит Зола.

*Волхов приючайте,
Святое стечайте,
Пришло Рождество,
Начинаем торжество!*

*С нами Звезда идет,
Молитву поет...*

Он взмахивает черным пальцем, и начинают хором:

Рождество Твое, Христе Бо-же наш...

Совсем не похоже на Звезду, но все равно. Мишка Драп машет домиком, показывает, как Звезда кланяется Солнцу правды. Васька, мой друг, сапожник, несет огромную розу из бумаги и все на нее смотрит. Мальчишка портного Плешкин в золотой короне, с картонным мечом серебряным.

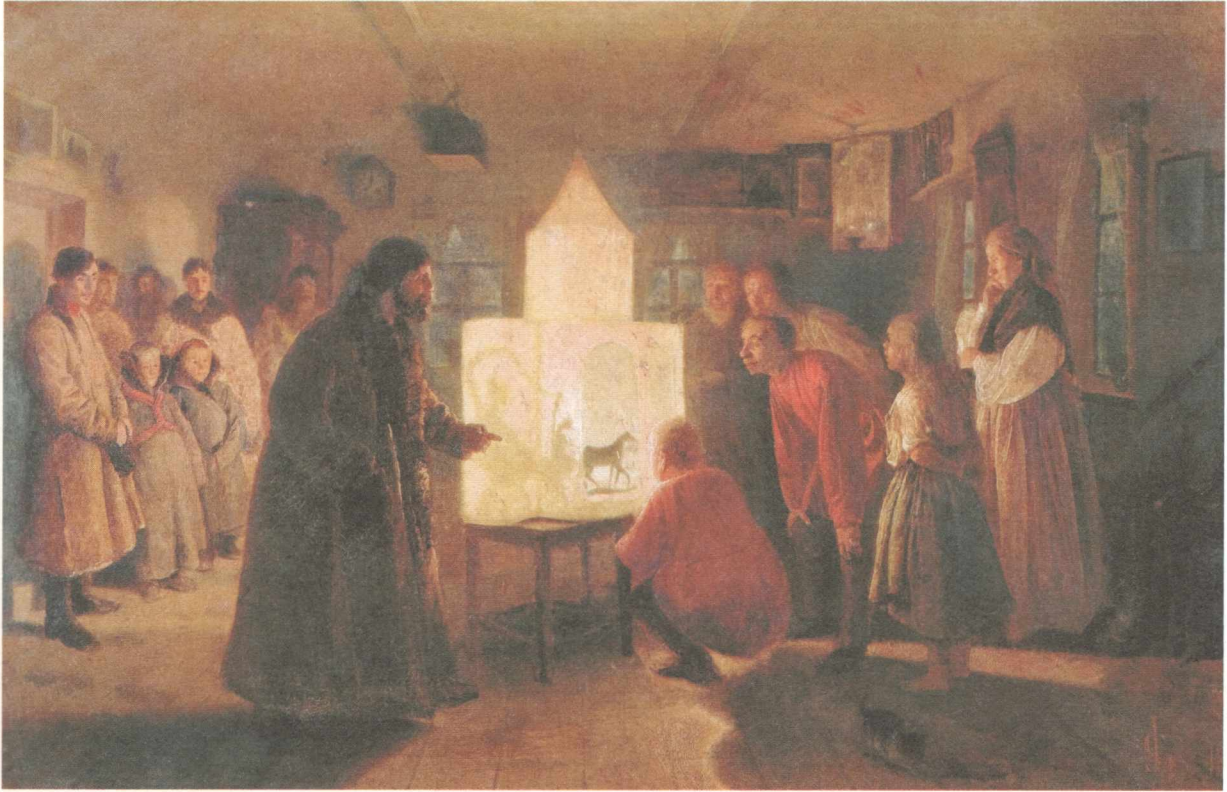
— Это у нас будет царь Кастинкин, который царю Ироду голову отсекает! — говорит Зола. — Сейчас

Ф.В. Сычков
ХРИСТОСЛАВЫ

Л.Г. Соловьев
▶ ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ
В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ
1876

*Маленький вьюнчик
Сел на стульчик,
В дудочку играет,
Христа прославляет.
Были мы в городе,
Видели чудо великое.
Ангелы запели,
Апостолы загремели.
Мы этого чуда испугались,
До вашего дому едва
добрались.
Подайте же — большим
на орехи,
А маленьким на потехи.*

будет святое приставление! — Он схватывает Драпа за голову и устанавливает как стул. — А кузнечонка у нас царь Ирод будет!

Зола схватывает вымазанного сажей кузнечонка и ставит на другую сторону. Под губой кузнечонка привешен красный язык из кожи, на голове зеленый колпак со звездами.

— Подымай меч выше! — кричит Зола. — А ты, Степка, зубы оскаль страшней! Это я от баушки еще знаю, от старины!

Плешкин взмахивает мечом. Кузнечок страшно ворочает глазами и скалит зубы. И все начинают хором:

*Приходили вол-хи,
Приносили бол-хи,
Приходили вол-хари,
Приносили бол-хари,
Ирод ты, Ирод,
Чего ты родился,
Чего не хрестился,
Я царь — Ка-стинкин,
Маладенца люблю,
Тебе голову срублю!*

Плешкин хватает черного Ирода за горло, ударяет мечом по шее, и Ирод падает как мешок. Драп машет над ним домиком. Васька подает царю Кастинкину розу. Зола говорит скороговоркой:

— Издох царь Ирод поганой смертью, а мы Христа славим-носим, у хозяев ничего не просим, а чего накладут — не бросим!

Пряники. XIX век

Наличник. Архангельская область. Конец XIX века

К.В. Лебедев
 ▶ РОЖДЕСТВО
 ХРИСТОВО

Колядки

Коляда, Коляда!
 А бывает Коляда
 Накануне Рождества.
 Коляда пришла,
 Рождество принесла.

Дай тебе, Господи,
 На поле природ,
 На гумне примолот,
 Квашни гуцина,
 На столе спорина,
 Сметаны-ти толсты,
 Коровы-ти дойны!

От востока с мудрецами
 Путешествует звезда, —
 С драгоценными дарами
 Одарить пришли Христа.
 Мы пришли Христа прославить,
 А вас с праздничком поздравить,
 Вам для потешки,
 А нам пожалуйста на орешки!

Ф.В. Сычков
 ТРОЙКА. 1906

Им дают желтый бумажный рублик и по пирогу с ливером, а Золе подносят и зеленый стаканчик водки. Он утирается седой бородкой и обещает зайти вечерком спеть про Ирода «подлинней», но никогда почему-то не приходит.

Позванивает в парадном колокольчик, и будет звонить до ночи. Приходит много людей поздравить. Перед иконой поют священники, и огромный дьякон вскрикивает так страшно, что у меня вздрагивает в груди. И вздрагивает все на елке, до серебряной звездочки наверху.

Приходят-уходят люди с красными лицами, в белых воротничках, пьют у стола и крикают.

Гремят трубы в снях. Сени деревянные, промерзшие. Такой там грохот, словно разбивают стекла. Это — «последние люди», музыканты, пришли поздравить.

— Береги шубы! — кричат в передней.

Впереди выступает длинный, с красным шарфом на шее. Он с громадной медной трубой и так в нее дует, что делается страшно, как бы не выскочили и не разбились его глаза. За ним толстенный, маленький, с огромным прорванным барабаном. Он так колотит в него култышкой, словно хочет его разбить. Все затыкают уши, но музыканты играют и играют.

Вот уже и проходит день. Вот уж и елка горит — и догорает. В черные окна блестит мороз. Я дремлю. Где-то гармоника играет, топотанье... — должно быть, в кухне.

В детской горит лампадка. Красные языки из печки прыгают на замерзших окнах. За ними — звезды. Светит большая звезда над Барминихиным садом, но это совсем другая. А та, Святая, ушла. До будущего года.

Новый год

14 января (1 января)

К Жуковскому

(отрывок)

Уже бьет полночь — Новый год;
И я тревожною душою
Молю Подателя щедрот,
Чтоб Он хранил меня с женою,
С детьми моими — и с тобою,
Чтоб мне в тиши мой век прожить,
Все тех же, так же все любить...
Молю Творца, чтоб дал мне вновь
В печали твердость с умилением,
Чтобы молитва, чтоб любовь
Всегда мне были утешеньем,
Чтоб я встречался с вдохновеньем,
Чтоб сердцем я не остывал,
Чтоб думал, чувствовал, мечтал.
О друг! Прелестен Божий свет
С любовью, дружбою, мечтами;
При теплой вере горя нет;
Она дружит нас с Небесами.
В страданиях, в радостях Он с нами,
Во всем печать Его щедрот;
Благословим же Новый год!

Иван Козлов

МАЛЬЧИК
▲ С КНИЖКОЙ
Конец XIX – начало XX века

А.В. Моравов
▲ ЕЛКА В СЕМЬЕ
ХУДОЖНИКА. 1921

Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!
На телят, на жеребят
И на маленьких ребят.
Кабы нам колядок —
На недель десяток!
Здравствуйте!
С Новым годом!
Со всем родом!
Чтоб здоровы были,
Много лет жили!

Открытки
Конец XIX – начало XX века:

И. Рошковский
ЗИМА

Б.В. Зворыкин
С НОВЫМ ГОДОМ!
1910

А.Н. Комаров
ЗАЯЦ-БЕЛЯК ЗИМОЙ. 1938

Крещение Господне

19 января (6 января)

Крещение... Произносишь это слово, и сразу возникает целый ряд чудных картин: крепкий русский морозец, который щиплет за нос и щеки, поскрипывающий под ногами белый снежок, очередь с бидончиками перед храмом за крещенской водицей, радостные разрумившиеся лица. Редко какая русская семья не придет в этот день в Божий храм или не пошлет кого-нибудь из домочадцев. Еще более чудное зрелище предстает в крещенскую ночь, возле какого-нибудь незамерзающего водоема, в который погружаются самые ревностные христиане. Плеск студеной воды, радостные возгласы, улыбки...

И, конечно же, вся эта радость окрашена воспоминаниями о хорошо знакомом всем сюжете — кому по иконам, кому по картинам русских художников — крещении Господа Иисуса Христа

в водах Иордана, после которого началось Его Божественное служение.

«Чтобы переплыть море, нужен корабль — впласть море не переплывешь. Чтобы переплыть море житейское и достигнуть Царствия Божия, нужно войти в церковный корабль, войти в Церковь, ибо только на корабле церковном можно переплыть бурное житейское море и достигнуть Царствия Божия. Войти же в Церковь можно только через Таинство Крещения... Какие бы препятствия ни были, нужно человеку креститься, потому что нет иного пути в Царствие Божие. Но, крестившись, мы должны жить так, как Господь указывает. А путь этот — изучение евангельских заповедей, заповедей Божиих, жизнь по этим заповедям, покаяние, молитва ко Господу, чтобы Он не оставил нас...» (Игумен Никон <Воробьев>).

Тропарь, глас 1:

*Во Иордане крещающуся Тебе, Господи,
Троическое явися поклонение,
Родителей бо глас свидетельствоваше Тебе,
возлюбленного Тя Сына именуя, и Дух в виде голубине,
извествоваше словесе утверждение. Явлейся, Христе Боже,
и мир просвещей, слава Тебе.*

Икона
КРЕЩЕНИЕ

КРЕЩЕНИЕ

Василий Никифоров-Волгин

В Крещенский сочельник я подрался с Гришкой. Со слов дедушки, я стал рассказывать ему, что сегодня в полночь сойдет с неба ангел и освятит на реке воду и она запоет: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи». Гришка не поверил и обозвал меня «баснописцем». Этого прозвища я не вытерпел и толкнул Гришку в сугроб, а он дал мне по затылку и обсыпал снегом.

В слезах пришел домой. Меня спросили:

— О чем кувкаешь?

— Гри-и-шка не верит, что вода петь бу-у-дет сегодня ночью!

Из моих слов ничего не поняли.

— Нагрешник ты, нагрешник, — сказали с упрямом, — даже в Христов сочельник не обойтись тебе без драки!

— Да я же ведь за дело Божье вступился, — оправдывался я.

Сегодня великое освящение воды. Мы собирались в церковь. Мать сняла с божницы сосудец с остатками прошлогодней святой воды и вылила ее в печь, в пепел, — ибо грех выливать ее на места попираемые. Отец спросил меня:

— Знаешь, как прозывается по-древнему богоявленская вода? Святая агиасма!

Я повторил это как бы огнем вспыхнувшее слово, и мне почему-то представился недавний ночной пожар за рекой и зарево над снежным городом. Почему слово «агиасма» слилось с этим пожаром, объяснить себе не мог. Не оттого ли, что страшное оно?

На голубую от крещенского мороза землю падал большими хлопьями снег. Мать сказала:

— Вот ежели и завтра Господь пошлет снег, то будет урожайный год.

В церковь пришли все заметеленными и румяными от мороза. От замороженных окон стоял особенный снежный свет, — точно такой же, как между льдинами, которые недавно привезли с реки на наш двор.

Посередине церкви стоял большой ушат воды и рядом парчовый столик, на котором поставлена водо-

святная серебряная чаша с тремя белыми свечами по краям. На клиросе читали «пророчества». Слова их журчали, как многоводные родники в лесу, а в тех местах, где пророки обращаются к людям, звучала набатная медь: «Измойтесь и очиститесь, оставьте лукавство пред Господом: жаждущие, идите к воде живой...»

Читали тринадцать паремий. И во всех их струилось и гремело слово «вода». Мне представлялись ветхозаветные пророки в широких одеждах, осененные молниями, одиноко стоящие среди камней и высоких гор, а над ними янтарное библейское небо и ветер, развевающий их седые волосы...

При пении «Глас Господень на водах» вышли из алтаря к народу священник и диакон. На водосвятной чаше зажгли три свечи.

— Вот и в церкви поют, что на водах голос Божий раздается, а Гришка не верит... Плохо ему будет на том свете!

Я искал глазами Гришку, чтобы сказать ему про это, но его не было видно.

Священник читал молитву: «Велий еси Господи, и чудна дела Твоя... Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе присутствуют звезды... Тебе слушает свет...»

После молитвы священник трижды погрузил золотой крест в воду, и в это время запели снегом и ветром дышащий богоявленский тропарь «Во Иордани крещающуся Тебе, Господи, Тройческое явися поклонение» и всех окропляли освященной водою.

От ледяных капель, упавших на мое лицо, мне казалось, что теперь наступит большое ненададованное счастье и все будет по-хорошему, как в день ангела, когда отец «осеребрит» тебя гривенником, а мать пятячком и пряником в придачу. Литургия закончилась посреди храма перед возжженным светильником, и священник сказал народу:

— Свет этот знаменует Спасителя, явившегося в мир просветить всю поднебесную!

Подходили к ушату за святой водой. Вода звенела, и вспоминалась весна.

К.И. Горбатов
ЗИМА. ПСКОВ. 1910

Так же как и на Рождество, в доме держали «двезданный пост». Дождавшись наступления вечера, сели мы за трапезу — навечерницу. Печеную картошку ели с солью, кислую капусту, в которой попадались морозинки (стояла в холодном подполе), пахнущие укропом огурцы и сладкую, медом заправленную кашу. Во время ужина начался зазвон к Иорданскому всенощному бдению. Началось оно по рождественскому — великим повечерием. Пели песню «Всяческая днесь да возрадуется Христу, явльшуся во Иордане» и читали Евангелие о сошествии на землю Духа Божьего.

После всенощной делали углем начертание креста на дверях, притолках, оконных рамах — в знак ограждения дома от козней дьявольских. Мать сказывала, что в этот вечер собирают в деревне снег с полей и бросают в колодец, чтобы сделать его сладким и многоводным, а девушки «величают звезды». Вы-

ходят они из избы на двор. Самая старшая из них несет пирог, якобы в дар звездам, и скороговоркой, нараспев выговаривает:

— Ай, звезды, звезды, звездочки! Все вы звезды одной матушки, белорумяны и дородливы. Засылайте сватей по миру крещеному, сряжайте свадебку для мира крещеного, для пира гостиного, для красной девицы родимой.

Слушал и думал: хорошо бы сейчас побежать по снегу к реке и послушать, как запоет полнощная вода...

Мать «творит» тесто для пирога, влив в него ложечку святой воды, а отец читает Библию. За окном ветер гудит в березах и ходит крещенский мороз, похрустывая валенками. Завтра на отрывном численнике покажется красная цифра 6 и под ней будет написано звучащее крещенской морозной водою слово «Богоявление». Завтра пойдем на Иордань!

КРЕЩЕНЬЕ

Иван Шмелев. Отрывки из книги «Лето Господне»

Амороз, говорят, поотпускает. Я скорлупываю со стеклов льдинки. Все запушило инеем. Бревна сараев и амбара совсем седые. Вбитые костыли и гвозди, петли творил и скобы кажутся мне из снега. Бельевые веревки запушились, и все-то ярко — и снежная ветка на скворешне, и даже паутинка в дыре сарая — будто из снежных ниток.

Невысокое солнце светит на лесенку амбара, по которой вбегают плотники. Вытаскивают «ердань» — балясины и шатер с крестами — и валят в сани, везти на Москву-реку. Все в толстых полушубках, прыгают в валенках, шлепают рукавицами с мороза, сдирают с усов сосульки. И через стекла слышно, как хлопают гулко доски, скрипит снежком. Из конюшни клубится пар, — Антипушка ведет на цепи Бушуя. Василь Василич бегаёт належке, даже без варежек, — мороза не боится! Лицо как огонь — кровь такая, горячая. Может быть, исхитрится завтра, одолеет Ледовика?..

В доме курят «монашками», для духа: сочельник, а все поросенком пахнет. В передней — граненый кувшин, крещенский: пойдут за святой водой. Прологоднюю воду в колодец выльют, — чистая, как слеза! Лежит на салфетке свечка, повязанная ленточкой-пометкой: будет гореть у святой купели, и ее принесут домой. Свечка эта — крещенская. Горкин зовет — «отходная».

Я бегу в мастерскую, в сенях мороз. Облизываю палец, трогаю скобу у двери — прилипает. Если поцеловать скобу — с губ сдерешь. В мастерской печка раскалилась, труба прозрачная, алая-живая, как вишенка на солнце. Горкин прибирает в каморке, смотрит на свет баночку зеленого стекла, на которой вылито Богоявление с голубком и «светом». Отказала ему ее прабабушка Устинья, и такой не найти нигде. Он рассказывал, как торговал у него ее какой-то барин, давал двести рублей «за стеклышко», говорил — поставлю в шкапчик, для удовольст-

вия. А сосудик старинный это, когда царь-антихрист старую веру гнал, от дедов прабабушки Устиньи. И не продал Горкин, сказал: «И тыщи, сударь, выкладите, а не могу, сосудец святой, отказанный... верному человеку передам, а вас, уж не обижайтесь, не знаю... в шкапчик, может, поставите, будете угощать гостей». А барин обнял его и поцеловал, и пошел веселый. Театры в Москве держал.

— Крещенской водицы возьмем в сосудик. Будешь хороший — тебе откажу по смерти. Есть племянник, яблоками торгует, да в солдатах испортился, не молельщик. Прошлогоднюю свечку у образов истеплим, а эту, новенькую, с серебром лоскутик, освятим, и будет она тут вот стоять, гляди... у Михаил-архангела, ангела моего. Заболею, станут меня, сподобит Господь, соборовать... в руку ее мне, на исход души... Да, может, и поживу еще, не расстраивайся, касатик. Каждому приходит час последний. А враз ежели заболею, памяти решусь, ты и попомни. Папашеньку просил, и тебе на случай говорию... крещенскую мне свечку в руку чтобы зажали, подержали... и отойду с ней, крещеная душа. Они и при отходе-то подступают, а свет крещенский и оборонит, отцами указано. Вон у меня картинка «Исход души»... со свечкой лежит, а они эн где топчутся, как закрувились-то!..

Я смотрю на страшную картинку, на синих, сбившихся у порога и чего-то страшящихся, смотрю на свечку с серебром... — и так мне горько!

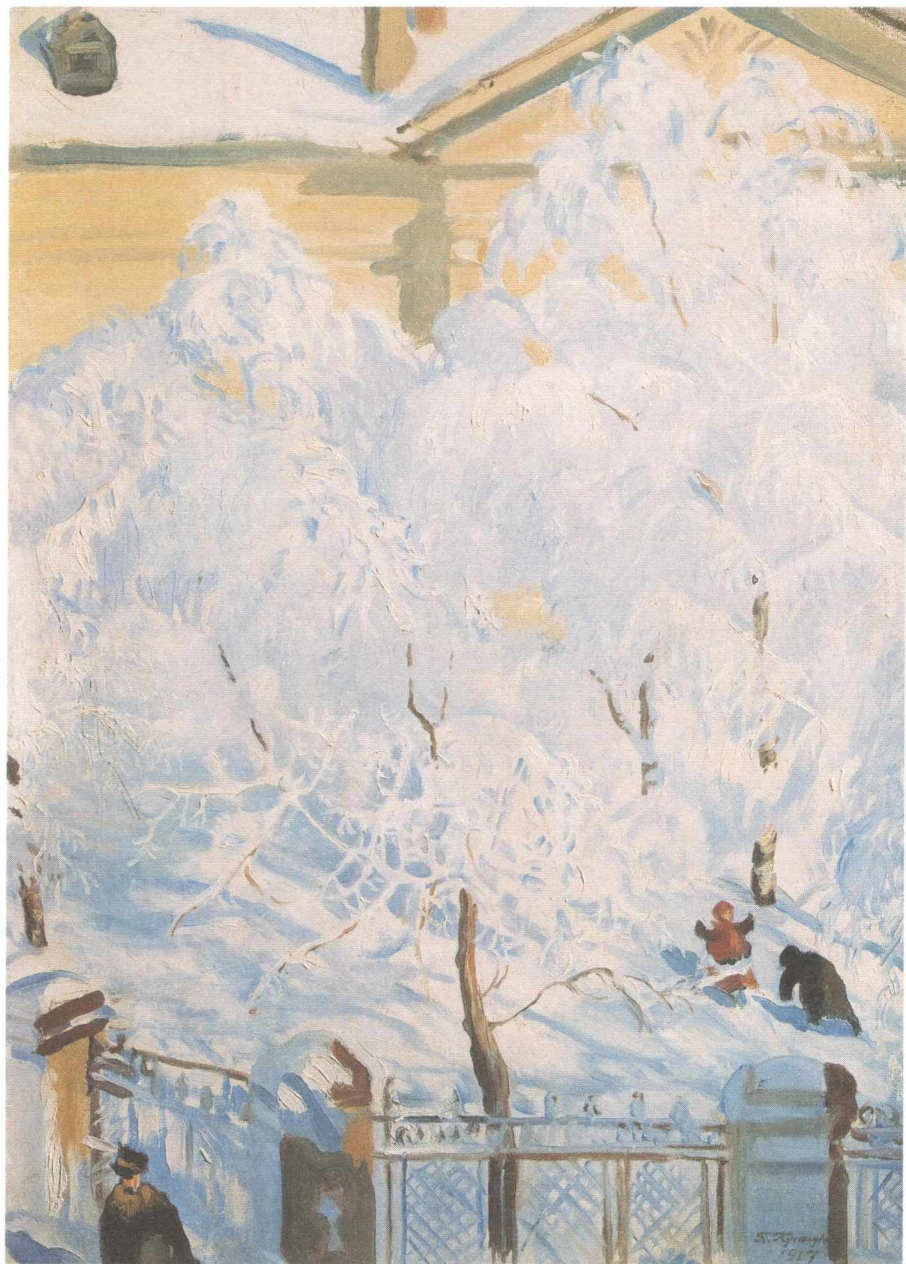
— Горкин, милый... — говорю я, — не окунайся завтра, мороз трескучий...

— Да я с того веселей стану... душе укрепление, голубок!

Он умывает меня святой водой, совсем ледяной, и шепчет: «Крещенская-богоявленская, смой нечистоту, душу освати, тела очисти, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа».

Б.М. Кустодиев
ИНЕЙ. 1917

— Как снежок будь чистый, как ледок крепкой, — говорит он, утирая суровым полотенцем, — темное совлекается, во светлое облакается... — дает мне сухой просvirки и велит запивать водицей.

Потом кутает потеплей и ведет ставить крестики во дворе, «крестить». На Великую пятницу ставят кресты «страстной» свечкой, на Крещение мел-

ком — снежком. Ставим крестики на сараях, в коровнике, на конюшне, на всех дверях. В конюшне тепло, она хорошо укутана, лошадям навалено соломы. Антипушка окропил их святой водой и поставил над денником крестики. Говорит — на тепло пойдет, примета такая — лошадки ложились ночью, а Кривая насилу поднялась, старая кровь, не греет.

*На окне, серебряном от инея,
За ночь хризантемы расцвели.
В верхних стеклах — небо ярко-синее
И застреха в снеговой пыли.*

*Всходит солнце, бодрое от холода,
Золотится отблеском окно.
Утро тихо, радостно и молодо.
Белым снегом все запушено.*

*И все утро яркие и чистые
Буду видеть краски в вышине,
И до полдня будут серебристые
Хризантемы на моем окне.*

Иван Бунин
1903

Солнце зашло в дыму, небо позеленело, и вот — забелелась звездочка! Горкин рад: хочется ему есть с морозу. В кухне зажгли огонь. На рогожке стоит петух, гребень он отморозил, и его принесли погреться. А у скорнячихи две курицы замерзли ночью.

— Пойдем в каморку ко мне, — манит Горкин, словно хочет что показать, — сыговой кутьицей разговеемся. Макова молочка-то нету, а пшеничку-то я сварил.

Кутья у него священная, пахнет, как будто ладанцем, от меду. Огня не зажигаем, едим у печки. Окошки начинают чернеть, поблескивать, — затягивает ледком. <...>

Впервые везут меня на ердань, смотреть. Потеплело, морозу только пятнадцать градусов. Мы с отцом едем на беговых, наши на выездных са-

нях. С Каменного моста видно на снегу черную толпу, против Тайницкой башни. Отец спрашивает: «Хороша ердань наша?» Очень хороша. На расчищенном синеватом льду стоит на четырех столбиках, обвитых елкой, серебряная беседка под золотым крестом. Под ней — прорубленная во льду ердань. Отец сводит меня на лед и ставит на ледяную глыбу, чтобы получше видеть. Из-под кремлевской стены, розовато-седой с морозу, несут иконы, кресты, хоругви, и выходят серебряные священники, много-много. В солнышке все блестит — и ризы, и иконы, и золотые куличики архиереев — митры. Долго выходят из-под Кремля священники, светлой лентой, и голубые певчие. Валит за ними по сугробам великая черная толпа, поют молитвы, гудят из Кремля колокола. Не видно, что у ердани,

Б.М. Кустодиев
КРЕЩЕНСКОЕ
ВОДОСВЯТИЕ. 1921

Д.А. Белюкин
КРЕЩЕНСКИЙ
МОРОЗ. 1995

П.М. Шамшин
КРЕЩЕНИЕ
ХРИСТА. 1848

только доносит пение да выкрик протодиакона. Говорят: «Погружают крест!» Слышу знакомое: «Во Иорда-а-не... крещающуся Тебе, Господи-и...» — и вдруг грохает из пушки. Отец кричит: «Пушки, гляди, палят!» — и указывает на башню. Прыгают из зубцов черные клубы дыма, и из них молнии... и — ба-бах!.. И радостно, и страшно. Крестный ход уходит назад под стены. Стреляют долго.

Отец подводит меня к избушке, из которой идет дымок, — это теплушка наша совсем около ердани. И я вижу такое странное... бегут голые по соломке! Узнаю Горкина с простынькой, Федю-ба-

раночника, потом Павел Ермолаич, огородник, хромой старичок какой-то и еще незнакомые... Отец тащит меня к ердани. Горкин, худой и желтый, как мученик, ребрышки все видать, прыгает со ступеньки в прорубь, выскакивает и окунается, и опять... а за ним еще, с уханьем. Антон Кудрявый подбегает с лоскутным одеялом, другие плотники тащат Горкина из воды. Антон накрывает одеялом и рысью несет в теплушку, как куколку. «Окрестился, — весело говорит отец. — Трите его суконкой да покрепче! — кричит он в окошечко теплушки. — Идем на портомойню скорей, Косой там наш дурака валяет».

СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ

15 февраля (2 февраля)

Слово «сретение» значит встреча. Христиане вспоминают в этот день о той великой, незабываемой встрече, которая произошла более двух веков назад в Иерусалимском храме. На сороковой день после Рождества Христова Дева Мария в сопровождении Иосифа Обручника принесла сюда Своего Сына, чтобы исполнить закон Моисея — посвятить первенца мужского пола Богу и принести за Него жертву в виде двух голубей, купленных при храме, которые затем выпускались на волю. В притворе храма святое семейство встречают два праведника — Симеон Богоприимец и Анна-пророчица. Оба они знают тайну, что перед ними Божий Сын. В молодости Симеон участвовал в переводе Библии на греческий язык и в пророчестве Исаии решил вместо слов

«Дева родит Сына» написать: «Молодая женщина родит сына», — но был остановлен ангелом, который возвестил ему, что тот не умрет, пока не увидит воочию исполнение пророчества. Прошло три века, но смерть не шла к Симеону. И вот наконец эта долгожданная встреча. Симеон взял на руки Иисуса и благословил Бога. Пророчество исполнилось. Симеон произносит слова молитвы: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром: ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля».

У каждого из нас когда-то происходит своя неповторимая встреча с Богом, которая приносит изменения и в жизнь всей нашей семьи.

Кондак, глас 1:

*Радуйся, Благодатная Богородице Дево,
из Тебе бо возсия Солнце правды, Христос Бог наш,
просвещаяй суция во тьме. Веселися и ты,
старче праведный, приемый во объятия Свободителя душ
наших, дарующаго нам воскресение.*

Икона СРЕТЕНИЕ. Начало XVI века

КАНУНЫ ВЕЛИКОГО ПОСТЯ

Василий Никифоров-Волгин

Рся в метели прошла преподобная Евфимия Великая — государыня Масленица будет метельной! Прошел апостол Тимофей-полумимник; за ним три вселенских святителя: святой Никита, епископ Новгородский, — избавитель от пожара и всякого запаления; догорели восковые свечи Сретения Господня — были лютые сретенские морозы; прошли Симеон Богоприимец и Анна-пророчица.

Снег продолжает заметать окна до самого наверхия, морозы стоят словно медные, по ночам метель воеет, но на душе любо — прошла половина зимы. Дни светлеют! Во сне уж видишь траву и березовые сережки. Сердце похоже на птицу, готовую к полету.

В лютый мороз я объявил Гришке:

— Весна наступает!

А он мне ответил:

— Дать бы тебе по затылку за такие слова! Какая тут весна, ежели птица на лету мерзнет!

— Это последние морозы, — уверял я, дуя на окоченевшие пальцы, — уж ветер веселее дует, да и лед на реке по ночам воеет... Это к весне!

Гришка не хочет верить, но по глазам вижу, что ему тоже любо от весенних слов.

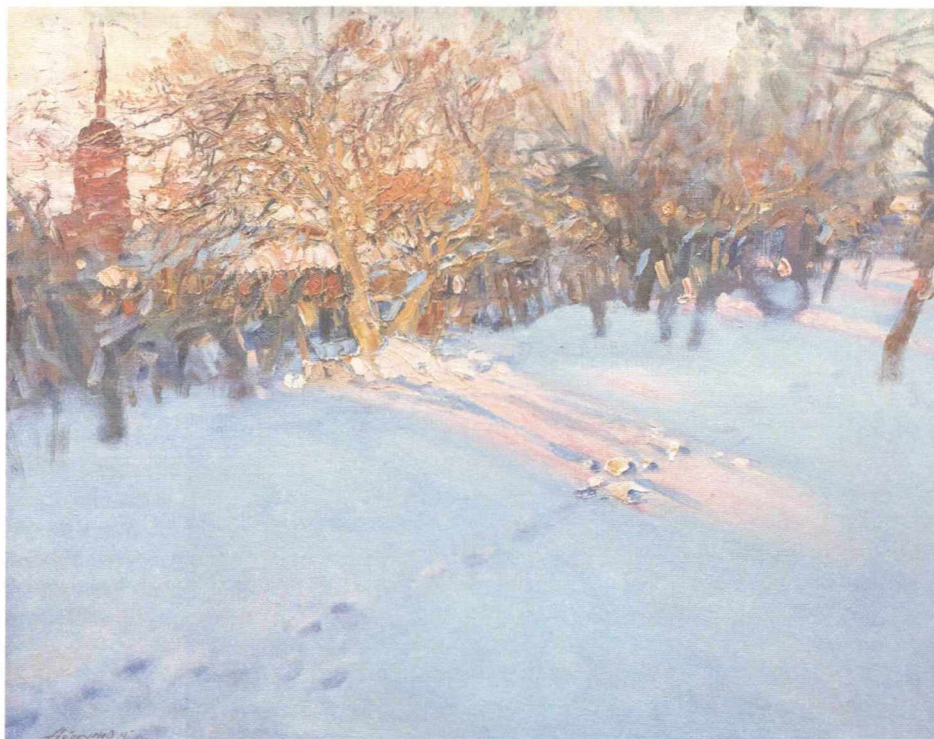
Нищий Яков Гриб пил у нас чай. Подув на блюдечко, он сказал поникшим голосом:

— Бежит время... бежит... Завтра наступает Неделя о мытаре и фарисее. Готовьтесь к Великому посту — редька и хрен, да книга Ефрем.

Все вздохнули, а я обрадовался. Великий пост — это весна, ручьи, петушьи вскрики,

К. Ф. Юон
КОНЕЦ ЗИМЫ. СОЛНЦЕ.
ЛИГАЧЕВО. 1919

желтое солнце на белых церквах и ледоход на реке.

За всенощной, после выноса Евангелия на середину церкви, впервые запели покаянную молитву:

*Покаяния отверзи ми двери,
Жизнодавче,
Утреннеет бо дух мой ко храму
Святому Твоему.*

С Мытаревой недели в доме начиналась подготовка к Великому посту. Перед иконами затепляли лампаду, и она уже становилась неугасимой. По средам и пятницам ничего не ели мясного. Перед обедом и ужином молились «в землю». Мать становилась строже и как бы уходящей от земли. До прихода Великого поста я спешил взять от зимы все ее благодатности: катался на санях, валялся в сугробах, сбивал палкой ледяные сосульки, становился на запятки извозчичьих санок, сосал льдинки, спускался в овраги и слушал снег.

Наступила другая седмица. Она называлась по церковному — Неделя о Блудном сыне. За всенощной пели еще более горькую песню, чем «Покаяние», — «На реках Вавилонских».

В воскресенье пришел к нам погреться Яков Гриб. Присев к печке, он запел старинный стих «Плач Адама»:

*Раю, мой раю,
Пресветлый мой раю,
Ради мене сотворенный,
Ради Евы затворенный.*

Стих этот заставил отца разговориться. Он стал вспоминать большие русские дороги, по которым ходили старцы-слепцы с поводьями. Прозывались они Божьими певунами. На посохе у них изображались голубь, шестиконечный крест, а у иных змея. Останутся, бывало, перед

*Еще и холоден и сыр
Февральский воздух, но над садом
Уж смотрит небо ясным взглядом,
И молодеет Божий мир.*

*Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой.*

*Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона.
И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят.*

*Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.*

Иван Бунин
1901

И.Е. Грабарь
ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

окнами избы и запоют о смертном часе, о последней трубе архангела, об Иосафе-царевиче, о вселении в пустыню. Мать свою бабушку вспомнила:

— Мастерница была петь духовные стихи! До того было усладно, что, слушая ее, душа лечилась от греха и помрачения!..

— Когда-то и я на ярмарках пел! — отозвался Яков. — Пока голоса своего не пропил. Дело это выгодное и утешительное. Народ-то русский за благоглаголивость слов крестильный крест с себя съмет! Все дело забудет. Опустит, бывало, голову и слушает, а слезы-то по лицу так и катятся!.. Да, без Бога мы не можем, будь ты хоть самый что ни на есть чистокровный жулик и арестант!

— Теперь не те времена, — вздохнула мать, — старинный стих повыветрился! Все больше фабричное да граммофонное поют!

— Так-то оно так, — возразил Яков, — это верно, что старину редко поют, но попробуй запой вот теперь твоя бабушка про Алексия человека Божия или там про Антихриста, так расплачутся разбойники и востоскуют! Потому что это... землю Русскую в этом стихе услышат... Прадеды да деды перед глазами встанут... Вся история из гробов восстанет!.. Да... От крови да от земли своей не убежишь. Она свое возьмет... кровь-то!

Вечером увидел я нежный бирюзовый лоскуток неба, и он показался мне знамением весны — она всегда, ранняя весна-то бирюзовой бывает! Я сказал про это Гришке, и он опять выругался:

— Дам я тебе по затылку, курносая пятница! Надоел ты мне со своей весной хуже горькой редьки!

Наступила Неделя о Страшном суде. Накануне поминали в церкви усопших сродников. Дома готовили кутью из зерен — в знак веры в Воскресе-

ние из мертвых. В этот день церковь поминала всех «от Адама доднесь усопших в благочестии и вере» и особенное моление воссылала за тех, «коих вода покрыла, от брани, пожара и землетрясения погибших, убийцами убитых, молнией попаленных, зверьми и гадами умерщвленных, от мороза замерзших...». И за тех, «яже уби меч, конь совосхити, яже удави камень, или персть посыпа; яже убиша чаровныя напоения, отравы, удавления...».

В воскресенье читали за литургией Евангелие о Страшном суде. Дни были страшными, похожими на ночные молнии или отдаленные раскаты грома.

Во мне боролись два чувства: страх перед грозным Судом Божиим и радость от близкого наступления Масленицы. Последнее чувство было так сильно и буйно, что я перекрестился и сказал:

— Прости, Господи, великие мои согрешения!

Масленица пришла в легкой метелице. На телеграфных столбах висели длинные багровые афиши. Почти целый час мы читали с Гришкой мудреные, но завлекательные слова:

«Кинематограф “Люмьер”. Живые движущиеся фотографии и, кроме того, блистательное представление малобариста геркулесного жонглера эквилибриста “Бруно фон Солерно”, престижжителя Мюльберга и магико-спиритическ. вечер престижжителя, эффектиста, фантастического вечера эскамотажа, прозванного королем ловкости Мартина Лемберга».

От людей пахло блинами. Богатые пекли блины с понедельника, а бедные с четверга. Мать пекла

блины с молитвою. Первый испеченный блин она положила на слуховое окно в память умерших родителей. Мать много рассказывала о деревенской Масленице, и я очень жалел, почему родителям вздумалось перебраться в город. Там все было по-другому. В деревне масленичный понедельник назывался — встреча; вторник — заигрыши; среда — лакомка; четверг — перелом; пятница — тещины вечерки; суббота — золовкины посиделки; воскресенье — проводы и Прощеный день. Масленицу называли также Боярыней, Царицей, Осударыней, Матушкой, Гуленой, Красавой. Пели песни, вытканые из звезд, солнечных лучей, месяца — золотые рожки, из снега, из ржаных колосков.

В эти дни все веселились, и только одна церковь скорбела в своих вечерних молитвах. Священник читал уже великопостную молитву Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего». Наступило Прощеное воскресенье. Днем ходили на кладбище прощаться с усопшими сродниками. В церкви, после вечерни, священник поклонился всему народу в ноги и попросил прощения. Перед отходом ко сну земно кланялись друг другу, обнимались и говорили: «Простите, Христа ради», и на это отвечали: «Бог простит». В этот день в деревне зорнили пряжу, то есть выставляли моток пряжи на утреннюю зарю, чтобы вся пряжа была чиста.

Снился мне грядущий Великий пост, почему-то в образе преподобного Сергия Радонежского, идущего по снегу и опирающегося на черный игуменский посох.

Детские заклички

Тетера. Обрядовая выпечка

*Солнышко-ведрышко, выгляни, красное,
Из-за горы-горы! Выгляни, солнышко,
До вешней поры!
Видело ли ты, ведрышко, красную весну?
Встретило ли, красное, ты свою сестру?
Видело ли, солнышко, старую ягу,
Бабу ли ягу — ведьму-зиму?
Как она, лютая, от весны ушла,
От красной бегла, в мешке стужу несла,
Холод на землю трясла,
Сама отступилась, под гору катилась,
Встретила весну — солнцеву сестру.*

*Выходи, народ,
За плетень, за огород —
Солнышко встречать,
Мороз прогонять.
Божая коровка,
Полети вверх ловко,
Принеси нам с неба:
Нового хлеба,
Грибам перемену,
Ягодам рост,
Редьке длинный хвост.*

Масленица

Иван Шмелев. Отрывки из книги «Лето Господне»

Масленица... Я и теперь еще чувствую это слово, как чувствовал его в детстве: яркие пятна, звоны — вызывает оно во мне; пылающие печи, синеватые волны чада в довольном гуле набравшегося люда, ухабистую, снежную дорогу, уже замаслившуюся на солнце, с ныряющими по ней веселыми санями, с веселыми конями в розанах, в колокольцах и бубенцах, с игривыми переборами гармоньи. Или с детства осталось во мне чудесное, непохожее ни на что другое, в ярких цветах и позолоте, что весело называлось «масленица»? Она стояла на высоком прилавке в банях. На большом круглом прянике — на блине? — от которого пахло медом — и клеем пахло! — с золочеными горками по краю, с дремучим лесом, где торчали на колышках медведи, волки и зайчики, — поднимались чудесные пышные цветы, похожие на розы, и все это блистало, обвитое золотой канителью... Чудесную эту «масленицу» устраивал старичок в Зарядье, какой-то Иван Егорыч. Умер

неведомый Егорыч — и «масленицы» исчезли. Но живы они во мне. Теперь потускнели праздники, и люди как будто охладели. А тогда... всё и все были со мною связаны, и я был со всеми связан, от нищего старичка на кухне, зашедшего на «убогий блин», до незнакомой тройки, умчавшейся в темноту со звоном. И Бог на небе, за звездами, с лаской глядел на всех: Масленица, гуляйте! В этом широком слове и теперь еще для меня живая яркая радость, перед грустью... — перед постом?

Оттепели все чаще, снег маслится. С солнечной стороны висят стеклянную бахромой сосульки, плаваются, звякают о льдышки. Прыгаешь на одном коньке, и чувствуется, как мягко режет, словно по толстой коже. Прощай, зима! Это и по галкам видно, как они кружат «свадьбой», и цокающий их гомон куда-то манит. Болтаешь коньком на лавочке и долго следишь за черной

Масленичные песни

Дорога наша гостья Масленица,
Авдотьюшка Изотьевна,
Дуня белая, Дуня румяная,
Коса длинная, триаршинная,
Лента алая двуполтинная,
Платок беленький, новомодненький,
Брови черные, наведенные,
Шуба синяя, ластки красные,
Лапти чистые, головастые,
Портянки белые, набеленные!

Ой, да Масленица на двор въезжает,
Широкая на двор въезжает!
А мы, девушки, ее встречаем,
А мы, красные, ее встречаем!
Ой, да Масленица, погостюй недельку,
Широкая, погостюй другую!
Масленица: «Я поста боюсь!»
Широкая: «Я поста боюсь!» —
Ой, да Масленица, пост еще далече,
Широкая, пост еще далече!

Не жигъе, а Масленица. Маслена неделя гуляет.

надежному покатать!» Василь Василич хватает меня под мышку, как узелок, и шепчет: «Надежней меня тут нету». Берет низкие саночки — «американки», обитые зеленым бархатом с бахромой, и приглашает меня — скатиться.

— Со мной не бойся, купцов катаю! — говорит он, садясь верхом на саночки.

Я приваливаюсь к нему, под бороду, в страхе гляжу вперед... Далеко внизу ледяная дорожка в елках, гора, с черным пятном народа, и вьются флаги. Василь Василич крикает, трогает меня за нос варежкой, засматривает косящим глазом. Я по мутному глазу знаю, что он «готов». Катальщики мешают, не дают скатываться, говорят: «Убить можешь!» Но он толкает ногой, санки клюют с помоста, и мы летим.... ахаемся в корыто спуска и выносимся лихо на прямую.

— Во как мы-та-а-а!.. — вскрикивает Василь Василич, — со мной нипочем не опрокинешься!.. — прихватывает меня любовно, и мы врезаемся в снежный вал.

Летит снеговая пыль, падает на нас елка, саночки вверх полозьями, я в сугробе; Василь Василич мотает валенками в снегу, под елкой.

— Не зашибся?.. Господь сохранил... Маленько не потрафили, ничего! — говорит он тревожным голосом. — Не сказывай папаше только... я тебя сейчас скачу лучше на наших саночках, те верней.

К нам подбегают катальщики, а мы смеемся.

Катают меня на «наших», еще на каких-то «растопырях». Катальщики веселые, хотят показать себя. Скатываются на коньках с горы, руки за спину, падают головами вниз. Сергей скатывается задом. Скатывается впрысядку, впрысядку задом. Кричит: «Ура!» Сергей хлопает себя шапкой:

— Разуважу для Масленой... гляди, на одной ноге!..

Рухается так страшно, что я не могу смотреть. Эх уж он где, катит, откинув ногу. Кричат: «Ура-а-а!..» Купец в лисьей шубе покатился, безо всего, на skate мешком тряхнулся — и прямо головой в снег.

— Извольте, на метле! — кричит какой-то отчаянный, крепко пьяный. Падает на горе, летит через голову метла.

Зажигают иллюминацию. Рычат гулкие горы пустотой. Катят с бенгальскими огнями, в исκραх. Гудят в бубны, пищат гармошки, — пьяные навалились на горы, орут: «Пропадай, Таганка-а-а!..» Катальщики разгорячились, пьют прямо из бутылок, кричат: «В самый-то раз теперь, с любой колокольни скатим!» Хватает меня Сергей:

— Уважу тебя, на коньках скачу! Только, смотри, не дергайся!..

Б.М. Кустодиев
ДЕРЕВЕНСКАЯ
МАСЛЕНИЦА
(ГАРМОНИСТ). 1916

Б.М. Кустодиев
МАСЛЕНИЦА. 1920

Масленица

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Встреча

На первый день Масленицы наш народ справляет встречу честной Масленицы, широкой боярыни. Дети с утра выходят на улицу строить снежные горы. Здесь они, устроивши горы, скороговоркою причитывают: «Звал, позывал честной Семик широкую Масленицу к себе в гости во

двор. Душа ль ты моя, Масленица, перепелиные косточки, бумажное твое тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай ко мне в гости на широкий двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешаться. Уж ты ль, моя Масленица, красная краса, русая коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трех-материна дочка, цветочка, ясочка, ты же моя перепелочка! Приезжай ко мне во тесовой дом душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Выезжала честная Масленица, широкая боярыня на семидесяти семи снях козырных, во широкой лодочке, во велик город пировать, душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Как навстречу Масленице выезжал честной Семик на салазочках, в одних

Ф.В. Сычков
ЗИМОЙ В ДЕРЕВНЕ

Б.М. Кустодиев
▶ МАСЛЕНИЦА. 1919
▶ Сани. XIX век

Частушки

Запрягу я коня вороного,
Посажу я кума молодого.
Масленица счастливая,
Протянися подольше.

Что миленку не кататься –
Лошадь вороная.
Сбруя вся под серебро,
Тальянка именная.

Девки, Масленка идет,
Кто нас покатает?
У Петруни за двором
Сивка пропадает.

Масляна, Масляна!
Куда ты идешь?
Потеряла лапоточки –
Не найдешь!

портяночках, без лапоток. Приезжала честная Масленица, широкая боярыня к Семику во двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Ей-то Семик бьет челом на салазочках, в одних портяночках, без лапоток. Как и тут ли честная Масленица на горах покаталась, в блинах повалялась, сердцем потешалась. Ей-то Семик бьет челом, кланяется, зовет во тесовой терем, за дубовый стол, к зеленой вину. Входила честная Масленица, широкая боярыня, к Семику во тесовой терем, садилась за дубовый стол к зеленой вину. Как и она ль, честная Масленица, душой потешалась, умом повеселялась, речью наслаждалась».

После этой встречи дети сбегают с гор и кричат: «Приехала Масленица! Приехала Масленица!» Встреча оканчивается кулачным боем. В некоторых местах мне случилось видеть, как дети пригото-

ли утром соломенную куклу — Масленицу. На Масленицу надевали кафтан и шапку, опоясывали кушаком, ноги обували в лапти. Эту Масленицу-куклу на салазках ввозили на гору с причитанием встречи. Неизвестно, когда и кем позывание Масленицы перенесено было на лубочные картинки.

Наш степенный народ, люди зажиточные, встречу Масленицы начинали посещением родных. С утра свекор со свекровью отправляли невестку на день к отцу с матерью, а вечером сами приходили к сватам в гости. Здесь, за круговой чашей, условились, когда и где проводить время, кого звать в гости, когда кататься по улицам.

К первому дню Масленицы устраиваются общественные горы, качели, вислые и круглые, балаганы для скоморохов (паяцев и комедиантов), столы со сладкими яствами. <...>

З.Н. Серебрякова
ШУРА СЕРЕБЯКОВ

Б.М. Кустодиев
▶ БАЛАГАНЫ. 1917

Ветреца — понедельник.

Зангрыши — вторник.

Лакомика — среда.

Широкій — четверг.

Тещины вечерки — пятница.

Золовкины посяделки — суббота.

Проводы, прощанья, целовник,

Прощеный день — воскресенье.

Заигрыши

На заигрыши с утра приглашаются девицы и молодцы покататься на горах, поесть блинов. В богатых домах к этому дню братцы устраивали горы для сестриц среди двора. Матушки посылали позываток звать по родным и знакомым дочек и сынков с наказом: «У нас-де горы готовы и блины испечены — просим жаловать». Позываток встречали с почетом и приветом, угощали вином и блинами и отпускали с наказом: «Кланяться хозяйину и хозяйке с детками, со всеми домочадцами; а деток своих пришлем к вечеру». Отказ всегда объявлялся условленным, общим выражением: «У нас-де построены у самих горы и прошены гости». Соседи толковали такие отказы по своему: «Здесь-де начинается разлад, и дочку прочат за другого». Гостей принимали со встречами у ворот, крыльца и образной. После нескольких угощений гостей отпускали потешиться на горы. Здесь братцы высматривали невест, а сестрицы поглядывали украдкой на суженых. Нянюшки, матушки, бабушки все это знают, с ними встарь то же бывало; теперь они радуются на веселости своих деток, воображая их будущее счастье.

Лакомка

На лакомке, в среду, тещи приглашали своих зятьев к блинам, а для забавы любимого зятя сзывали всех своих родных. В Туле тещи для зятя пекут еще блинцы, оладьи и творожнички. В Нерехте бывает съезд из деревень девиц, молодых и пожилых, где они, в праздничных платьях, катаются отдельно от мужчин. Насмешливый русский народ составил несколько песен о заботливости тещи при угощении зятя. Эти песни вечером поют холостые, с разными олицетворениями. Здесь наряженный медведь играет разные фарсы: «Как теща про зятя блины пекла — как у тещи головушка болит — как зять-то удал теще спасибо сказал».

Широкий четверг

В широкий четверг начинается масленичный разгул: катанье по улицам, разные обряды и кулачные бои. <...>

В Ярославле с четверга начинают колядовщики петь Коляду. Там фабричные ходят по домам с бубнами, рожками и балалайками для поздравления с праздником: «Прикажи, сударь-хозяин, Коляду пропеть». <...> В Сибири Масленица возится на нескольких снях, на которых устраивается корабль с парусами и снастями. Здесь усаживаются люди, медведь и честная Масленица. <...>

Тещины вечерки

На тещины вечерки зятья угощают своих тещ блинами. Приглашения бывают почетные, со всею роднею, к обеду, или запросто, на один ужин. В старину зять обязан был с вечера лично приглашать тещу, а потом, утром, присылать нарядных зватых. Чем более бывало зватых, тем теще более оказывалось почести. Дружко или сват приглашались к таким нарядным позывам и за свои хлопоты с обеих сторон получали подарки.

Б.М. Кустодиев

◀ СЛАДОСТИ. НАТЮРМОРТ. 1920-е

В.И. Суриков

ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА. 1891

Золовкины посиделки

На золовкины посиделки молодая невестка приглашала своих родных к себе. Если золовки были еще в девушках, тогда невестка сзывала старых своих подруг-девиц; если они были выданы замуж, тогда она приглашала родню замужнюю и со всем поездом развозила гостей по золовкам. Новобрачная невестка обязана была дарить своих золовок подарками.

В Тульской, Пензенской и Симбирской губерниях в субботу дети строят на реках, прудах и полях снежный городок с башнями и воротами. После своей работы они разделяются на две стороны, одна принимает на себя охранять городок, другая должна отбоем занять его. Охранители вооружаются метлами и помелами, а храбрецы палками. Когда порядятся взять городок, тогда вдруг нападают

на охранителей и после битвы врываются в ворота и разрушают городок. В этой игре принимают участие и взрослые. Тогда храбрецы садятся на лошадей и конные нападают на городок. После взятия городка взрослые воеводу купают в проруби. После сего начинается всеобщее угощение и с песнями возвращаются по домам.

Проводы Масленицы

Проводы Масленицы и прощание отправляются на Русь с разными обрядами.

Проводы честной Масленицы в Симбирской, Саратовской и Пензенской губерниях состояли в поезде по городу и селам. Для поезда сколачивали несколько дровень и саней. В средние дровни ставили

